
ЦИКЛИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАК БОЛЕЗНЬ: ВОЗМОЖНО ЛИ ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ?

Н.С. Розов

ОПРАВДАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ МЕТАФОРЫ

Отечественная история — одна из главных национальных святынь любой страны — превратилась в России в предмет ожесточенных споров и конфликтов, нередко связанных с противоположными оценками прошлых событий, как давнишних, так и последнего двадцатилетия. Когда в напряженной атмосфере взаимной раздраженности оппонентов (чтобы не сказать — глубокого взаимного отчуждения, вплоть до презрения и ненависти) прибегаешь к терминам болезни, диагноза, синдрома, этиологии, то рискуешь получить обвинения в кощунстве, причем со всех сторон.

Вполне осознавая эту опасность, начну с обоснования используемой в данной работе медицинской метафоры. Для этого прежде всего укажу на наличие в противостоящих позициях ряда скрытых общих посылок. Обычно не вызывают споров и даже сомнений следующие утверждения:

- в российской истории были как высокие взлеты, так и досадные падения и провалы, тормозившие развитие;
- было немало неоправданных поражений, страданий и массовых трагических жертв;
- Россия и граждане России имеют громадный потенциал (природный, человеческий, культурный, духовный и т.д.), который по каким-то причинам не удается полностью реализовать.

Теперь остается только условно назвать “здоровьем” полноценную реализацию общенационального потенциала, устойчивый рост и развитие общества без провалов, торможений, неоправданных народных страданий и массовых жертв, т.е. всех “болезненных состояний”. Самой “болезнью” в этом случае будет некий загадочный внутренний механизм, систематически порождающий подобные нежелательные состояния.

Так понятие “социально-политическое здоровье России” как раз и может претендовать на роль общей для спорящих сторон ценности, если угодно, общенациональной идеи. Тогда спор из безысходного антагонизма превратится в предметный и конструктивный спор врачей, у которых тоже могут быть противоположные мнения: чем вызваны, например, головные боли, бессонница, утомляемость и раздражительность пациента — слишком высоким давлением или слишком низким? Врачам легче — они вооружены добротными научными знаниями и основанными на них диагностическими приборами. Социальные и политические науки по своему познавательному инструментарию весьма уступают наукам биологическим и медицинским, но ситуация отнюдь не безнадежна.

Как сказано выше, медицинская терминология здесь привлекается лишь в качестве поясняющей метафоры (отчасти аналогии). В основе же предлагаемого подхода лежит общефилософская установка: *повторяющиеся явления порождаются некоей скрытой общей причиной*. Чтобы существенно изменить эти явления, нужно выявить их причину и соответствующим образом ее модифицировать. При подобном угле зрения медицинская метафора оказывается не столь уж далекой и чуждой — со времен Гиппократова медицина, только-только отпочковавшаяся тогда от философии, именно так и действует.

Какие же систематически повторяющиеся явления в истории России могут выступать в роли исходного эмпирического материала? Конечно же, речь пойдет о знаменитой цикличности российской социально-политической истории.

ДОЛГИЕ И КОРОТКИЕ ЦИКЛЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

Схемы и концепции российских циклов настолько многочисленны, что их трудно не только проанализировать, но и просто перечислить. Поэтому упомяну лишь современных отечественных авторов. Описывали различные по характеру и длительности циклы А.Ахиезер, Р.Вишневский, Д.Драгунский, А.Зубов, В.Лапкин, Э.Кульпин, С.Нефедов, В.Пантин, В.Пастухов, Ю.Пивоваров, А.Фурсов, В.Цимбурский, А.Янов и многие другие.

Чтобы не умножать и так уже чрезмерно разросшиеся схемы циклов, сформулирую лишь критерии выбора моделей:

- трезвый научный анализ при минимизации идеологических оценок;
- уважение к историческим реалиям и отказ от подверстывания их под априорные схемы;
- четкое выделение переменной, меняющейся в ходе циклических изменений;
- понимание того, что циклы порождаются разнообразными и изменчивыми факторами объективного и субъективного свойства;
- учет комплексного характера внешних (прежде всего геополитических) и внутренних (социально-экономических, политических, культурных и поколенческих) аспектов.

При введении этих критериев достаточно легко отбрасываются мистические, религиозные, моралистические, органицистские и нумерологические схемы. Из оставшихся лучше всего отвечают заданным критериям две группы моделей.

1. Почти совпадающие между собой “революции служилого класса” по Р.Хелли [Hellie 2005] и “долгие циклы модернизации” по Р.Вишневскому [Вишневский 1997]*. Циклически меняющаяся переменная агрегирует здесь *уровень военно-государственной и технологической мобилизации, геополитического могущества и престижа при социальной стабильности и легитимности власти*.

* Долгие демографические циклы (с фазами роста, сжатия и кризиса), которые выделяет С.Нефедов, развивающий структурно-демографическую теорию взаимоотношений государства, элиты и народа [Нефедов 2005], связаны с политическими циклами русской истории, но весьма сложным образом. Вопрос требует самостоятельного исследования, поэтому в данной работе демографические циклы оставлены за скобками.

Первой “революцией служилого класса” стала военная реформа середины XVI в., введившая службу “по отечеству” (для боярских, дворянских и сокольнических детей) и службу “по прибору” (для низших сословий, из которых набиралось стрелецкое войско). Этой “революцией сверху” начинается “грозненьский цикл” (середина XVI – конец XVII в.), в ходе которого были подчинены и присоединены Новгород, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток, Аляска и Украина.

Вторая “революция служилого класса” связана с серией государственных реформ Петра I, приведших к появлению единого служилого дворянского сословия и упорядочению военной и чиновничьей иерархии через Табель о рангах. Соответствующий “петровский цикл” (XVIII – начало XX в.) ознаменовался подъемом военной промышленности, образования, науки, присоединением Прибалтики, Финляндии, Крыма, Кавказа, Польши, Средней Азии, Манчжурии.

“Третья революция служилого класса” – это сталинский “крутой поворот” к полному огосударствлению экономики и других сфер жизнедеятельности общества на основе массовой централизованной партии и подчиненных ей силовых, советских, профсоюзных, комсомольских и прочих структур. “Сталинский цикл” (1927 – 1985 гг.) включает в себя принудительную мобилизацию ресурсов (в форме коллективизации и индустриализации), триумф 1945 г., установление контроля над Центральной Европой, возвращение Сахалина и Южных Курил, поддержку прокоммунистических режимов в отдаленных частях планеты, превращение в мировую сверхдержаву, мощные научные, военно-технические и космические программы.

2. Краткие циклы реформ-контрреформ по А.Янову [Янов 1997], В.Пантину и В.Лапкину [Пантин 1997; Пантин, Лапкин 1998; Лапкин, Пантин 2004]. В данном случае циклически меняющаяся переменная агрегирует *уровень реальной защиты политических и экономических свобод, уровень защиты собственности, уровень ограничения власти законами, уровень участия граждан в управлении*. Соответственно, *реформы* понимаются как целенаправленная либерализация в политической, правовой, экономической и культурной сферах. Напротив, *контрреформы* – это целенаправленное движение в сторону более авторитарной политики, огосударствления экономики, большего контроля над идеологией, религией и культурой. (*Sic!* При такой трактовке Петр I проводил не реформы, а *контрреформы*.)

За последние 200 лет главными “пиками” либерализации были: ранние реформы Александра I (1801 – 1811 гг.), реформы Александра II (1859 – 1874 гг.), Октябрьский манифест (1905 г.), Февральская революция (1917 г.), НЭП (1922 – 1927 гг.), оттепель (1956 – 1968 гг.), перестройка и постперестройка (1986 – 1998 гг.). Основные “пики” авторитаризма и репрессивных режимов: контрреформы Александра I и николаевщина (1814 – 1854 гг.), реакция при Александре III (1881 – 1894 гг.), военный коммунизм (1919 – 1922 гг.), сталинский режим (1927 – 1953 гг.), “заморозки” и “застой” 1970-х – начала 1980-х годов.

Воспользовавшись положением общей теории систем, согласно которому циклы разной длительности обычно сосуществуют и накладываются друг на друга, я буду рассматривать в политической истории России как долгие, так и короткие циклы. Не углубляясь в детали согласования-рассогласования циклов разного типа, зафиксирую главные результаты их сопоставления.

- Каждый долгий цикл модернизации начинался как контрреформа (ограничение или подавление свобод, огосударствление экономики), поддерживаемая расширяющимся кругом нового “служилого класса”.
- Каждый созданный контрреформами мобилизационный режим проходил через несколько коротких циклов реформ-контрреформ, что свидетельствует о неспособности таких режимов к естественному самовоспроизводству и саморазвитию.
- Ни одна либеральная реформа не была результатом широких общественных движений, все они начинались “сверху”, чаще всего как реакция на геополитический провал (поражения в северной, крымской, русско-японской, афганской войнах) либо на требования государственного класса ослабить репрессивный характер режима (отсюда, например, хрущевская “оттепель”).
- Ни одна либеральная реформа в России не привела к долговременному общепризнанному успеху; всякий раз за ней следовали острые конфликты, недовольство многих групп и слоев населения вплоть до бунтов и терроризма, сепаратистские движения в провинциях, что в скором времени приводило к восстановлению власти консервативных политических сил и контрреформам.
- Несмотря на три успешные контрреформы (“революции служилого класса”, положившие начало долгим модернизационным циклам), многие контрреформы либо оказывались “фальстартами” (попытки “наведения порядка” Петром III и Павлом I, репрессивная политика Столыпина, военный коммунизм, репрессивно-мобилизационный курс Андропова, ГКЧП), либо “замораживали” общественно-политическую ситуацию на одно-два десятилетия с обязательными последующими провалами (реакция при Александре III, неосталинизм и “застой” при Брежневе).
- Наиболее драматические провалы – распады государства (Смута, революция и гражданская война, коллапс СССР) – хотя и имели множество разнородных накапливавшихся причин (обычно связанных с поколенческой деградацией элит и разложением мобилизационного режима), непосредственно обуславливались фатальным сочетанием острого межэлитного конфликта (между западническими и консервативными партиями) с военными поражениями и делегитимацией власти.

11

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИЧИН РОССИЙСКИХ ЦИКЛОВ: ИСХОДНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И МОДЕЛИ

Какой же комплекс причин порождал указанные долгие и краткие циклы в истории России последних 200 лет? Если он остается неизменным, то резонно считать, что тот же комплекс факторов (пусть с некоторыми модификациями) продолжает действовать и сейчас и в случае своего сохранения (!) будет определять историю страны в ближайшие десятилетия.

Обобщение условий свертывания либеральных реформ (1801 – 1811 гг., 1874 – 1881 гг., 1906 – 1911 гг., 1927 – 1929 гг., 1968 – 1971 гг., 1998 – 2004 гг.) дает следующие результаты:

- Каждый раз на момент начала либеральных реформ основные скрепы, задававшие целостность и упорядоченность функционирования российского общества (территориальное управление, регулирование ресурсных потоков, налогообложение, система повинностей и обязанностей подданных и граждан, формирование мировоззрения), держались на принуждении, которое прямо осуществлялось либо поддерживалось государством.
- При ослаблении принудительных отношений и соответствующего государственного влияния нарушались прежние режимы функционирования, резко возрастала социально-экономическая дифференциация, что приводило к недовольству ущемленных слоев населения и дискредитации реформ (планы либеральных реформ Александра I и Сперанского вызвали недовольство бюрократии; реформой 1861 г. были недовольны и крестьяне, и помещики; НЭП повлек за собой сбои в снабжении городов продовольствием; гайдаровские реформы обернулись массовым обнищанием, гигантским разрывом в доходах и широким распространением ностальгии по советским временам).
- С ослаблением принудительных отношений начинались мятежи и сепаратистские движения на окраинах и в зонах геополитического влияния (кавказские войны, польские восстания первой половины XIX в., мятежи моджахедов в Средней Азии в 1920-х – 1930-х годах, венгерский мятеж 1956 г. и “пражская весна” 1968 г., “бархатные революции” в Центральной Европе и столкновения в Тбилиси, Баку, Вильнюсе в конце 1980-х – начале 1990-х годов). Падение геополитического престижа и необходимость военно-политической мобилизации дискредитировали либеральные реформы.
- Государство само проводило реформы; политики и чиновники не считали нужным вести диалог с обществом и идти на какие-либо уступки, способные обнаружить слабость власти. Либеральные реформы порождали в обществе (особенно в образованных слоях) большие надежды, которые, как правило, не оправдывались, что обостряло конфликт (декабристы, народники и народовольцы, диссиденты, демократическая и патриотическая оппозиция).
- Несколько раз во внутреннюю политику “вмешивалась” война. Каждая победа (над Наполеоном в 1812 – 1814 гг., над Турцией в 1877 – 1878 гг.*) приводила к свертыванию либеральных реформ. Напротив, поражения России инициировали реформы или давали им новый импульс (поражение в крымской войне → освобождение крестьян; неудачи и потери в первой мировой войне → Февральская революция; неудачи и потери в афганской войне → перестройка). Причина одна: военный и геополитический успех неизменно воспринимается в России

* Типологически сюда же относятся силовое подавление “пражской весны” 1968 г. и вторая чеченская война.

как достаточное оправдание авторитарного государства и мобилизационного режима. Соответственно, военный и геополитический провал дискредитирует то и другое.

ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Попробую представить социально-политические изменения в российской политической истории в двух главных измерениях, использованных в моделях долгих циклов принудительной модернизации и кратких циклов реформ-контрреформ.

Первое измерение (“ось X” в декартовой системе координат) условно назову “геополитическим успехом при социальной стабильности”. Повышение значений этой переменной (“движение вправо”) связано с военными победами и присоединением территорий, расширением могущества и влияния державы, ростом престижа на международной арене, высокой легитимностью власти и политического режима, широким принятием населением государственной или общенациональной религии или идеологии. Соответственно, снижение значений “успеха” (“движение влево”) происходит при военных поражениях и геополитических провалах, падении внешнего престижа державы и внутренней легитимности власти, росте социальных волнений вплоть до бунтов, мятежей и революций (смута), массовой дискредитации общенациональной религии или идеологии.

Четыре главные области значений (“слева направо”) по данному измерению можно обозначить как КРИЗИС, ВЫЗОВ, КОМФОРТ и ВЕЛИЧИЕ (рис 1.). Замечу, что высокие значения по параметру “успеха” (ВЕЛИЧИЕ) не обязательно предполагают общее довольство и благополучие. При Петре I, Екатерине II, Александре I, Николае I и Сталине крестьянам (сперва крепостным, а потом колхозникам) жилось вовсе не сладко, но стабильность принудительного порядка оставалась весьма прочной, редкие бунты жестоко и эффективно подавлялись, что до поры до времени только укрепляло легитимность власти и величие державы.

13

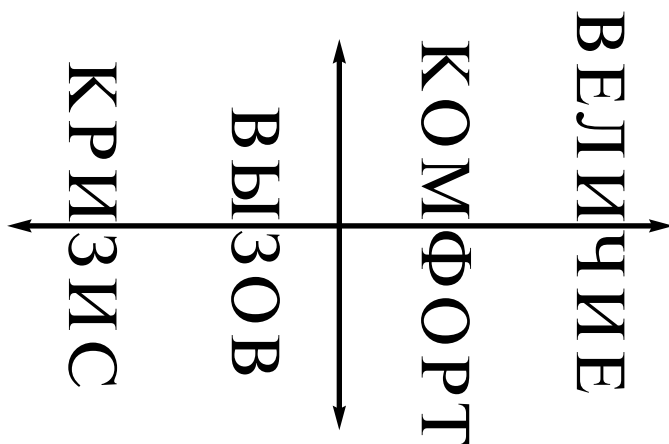

Рис. 1. Основные зоны в пространстве политической динамики по параметру “геополитический успех при социальной стабильности”

Второе измерение (“ось Y”) условно может быть названо “уровнем свободы” (см. рис. 2). Повышение значений данной переменной (“движение вверх”) определяется расширением прав и свобод граждан и ростом их защищенности, развитием конституционализма (реальным ограничением власти законами, принятыми коллегиальным представительным органом, появлением автономных по отношению к исполнительной власти судов) и институтов гражданского общества (независимых СМИ, общественных объединений и движений), защитой частной собственности и т.д. Соответственно, сокращение прав и свобод, закрепощение, политические и этнические репрессии, разгон выборных представительных органов или лишение их реальной власти, огосударствление СМИ, подчинение судов давлению администрации, экспроприация собственности или ослабление ее защиты приводят к снижению “уровня свободы” (“движение вниз”).

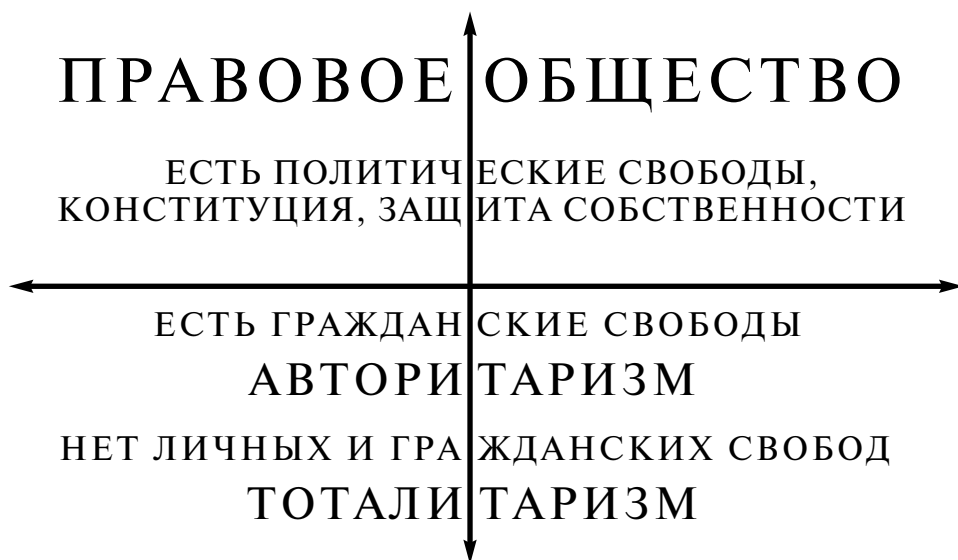

Рис. 2. Зонирование пространства политической динамики по параметру свободы-несвободы

Прежде чем приступать к анализу движения российского общества в данном параметрическом пространстве, кратко опишу главные методологические сложности, которые возникают при использовании предложенной модели. Читатели, равнодушные к вопросам научной методологии и валидности и желающие быстрее узнать о механизме, порождающем российские циклы, могут пропустить следующий раздел.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ И ЭМПИРИЧЕСКОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ПАРАМЕТРОВ “УСПЕХ” И “СВОБОДА”

Как “свобода”, так и “успех” являются ценностно нагруженными понятиями, поэтому высока опасность субъективных произвольных оценок. Более того, могут возникнуть подозрения, что за наукообразными “агрегированными параметрами” кроются личные предпочтения, не имеющие под

собой никакой объективной основы (нравится мне Петр или Ленин – поставлю оценки повыше, не нравится Анна Иоанновна или Павел – поставлю пониже, и т.п.). Ответом на подобного рода законные претензии должно быть указание на искомую объективную основу.

Для параметра “успех” она состоит в наличии у социальной системы таких свойств, как “могущество и престиж на внешней арене”, “внутренняя социальная стабильность” и “легитимность власти”, которые не зависят от субъективных предпочтений наблюдателя и могут быть измерены разными экспертами с помощью специальных шкал и методик*.

Не означает ли это, что вместо субъективной и произвольной оценки одного наблюдателя по обобщенному параметру мы получим множественные, но столь же субъективно-произвольные оценки группы “экспертов” по совокупности более узких показателей? Подобная опасность всегда существует, но она преодолевается грамотно построенными шкалами и четкими инструкциями относительно сопоставления этих шкал с известным всем участвующим экспертам корпусом исторических документов. К примеру, продвижение по шкале геополитического влияния и престижа может начинаться со ступени *“при заключении международных договоров и решениях о внешнеполитических действиях ни одна другая страна не принимает во внимание позицию и интересы данной державы”* и заканчиваться ступенью *“ни один международный договор между странами данной зоны не заключается, ни одно внешнеполитическое действие других стран не предпринимается без консультаций и одобрения со стороны руководства данной державы”* при трех-четырех промежуточных. Такая шкала уже поддается прямому сопоставлению с имеющимися историческими документами и свидетельствами, причем динамика изменений престижа и влияния державы (например, Российской империи и СССР) может быть прослежена за каждые 5, 10, 30 или 50 лет. Результаты, полученные разными экспертами, либо усредняются, либо – при больших расхождениях – содержательно обсуждаются в целях выявления причин рассогласования и внесения необходимых коррективов в шкалы или инструкции по кодированию.

Примерно так же дело обстоит и с параметром “свобода”. Здесь положение даже лучше, поскольку используемая в данной работе трактовка свободы весьма близка к той, из которой исходит “Freedom House”, вот уже несколько десятков лет осуществляющий мониторинг соответствующих подпараметров-показателей почти во всех странах мира**. Применение этих показателей при исследовании исторического прошлого сопряжено с определенными методическими трудностями, но они вполне преодолимы. Что такое личная свобода и закрепощение, зависимая и не зависимая от правительства газета, есть ли полнота самодержавия или воля монарха ограничена законами, люди хорошо понимали уже в XVIII в., и потому в своих заключениях эксперты могут опираться на документы, содержащие сведения о реальной политической и юридической практике.

* Обоснование и описание данного подхода см. Разработка и апробация 2001; пример эффективного его применения см. Эмбер и др. 2003.

** Познакомиться с методом оценки и составом показателей можно на сайте www.freedom-house.org.

Итак, объективность измерений исторической динамики подтверждается возможностью построения шкал для компонентных показателей “успеха” и “свободы” и использования интересубъективных методик шкалирования релевантных свойств системы на основе исторических документов. Относительно легко поддаются решению и две другие методологические проблемы – внутренней противоречивости показателей и учета социального расслоения.

Внутренняя противоречивость показателей. Екатерина II эффективно развивала местное самоуправление, но преследовала политических фрондеров (Новикова, Радищева и др.). При дипломатических неудачах на европейской арене в 1880-х годах (из-за хитроумия Бисмарка) Россия военным путем обрела обширные территории в Азии. П.Столыпин освобождал крестьян от власти общины, но при этом жестоко карал за бунты (“столыпинские галстуки”).

Внутренняя противоречивость компонентных показателей нередко имеет место, но это вовсе не отменяет законности и значимости обобщающих агрегатных параметров. Простейший способ преодоления трудностей – формализовать значения агрегатных параметров как сумму значений компонентных показателей (возможно, с коэффициентами). В этом случае разнонаправленные движения будут отчасти нейтрализовать друг друга, но при сохранении общего тренда. В случае российских циклов такого рода внутренняя противоречивость характерна для промежуточных неустойчивых периодов (“подготовки к реформам” или “подготовки к контрреформам”, в терминологии В.Пантина). Сами же либеральные реформы (“движение вверх” – к “свободе”) и авторитарные контрреформы (“движение вниз” – к “несвободе”) обычно имеют фронтальный характер.

16

Учет социального расслоения. При Екатерине II права дворян относительно поместий и крестьян расширялись, но тем самым усугублялись крепостничество и тяготы крестьянства. Единый параметр “свободы” не в состоянии уловить эту “тонкость”. Арифметическое складывание значений показателей по разным социальным слоям может только затемнить картину (подобно пресловутой “средней по больнице температуре пациентов”).

Главной мерой здесь должен выступать уровень прав и свобод массового нижнего слоя (крестьян, пролетариев, обычных граждан). Ограничение власти дворян над крепостными и чиновников над бизнесом, ужесточение ответственности бюрократии за нарушение прав граждан следует трактовать как движение к конституционализму, к правовому обществу, а значит – к свободе. И хотя это не снимает всех сложностей и проблем, непреодолимых запретов на рассмотрение целостной динамики общественной системы по параметрам “свободы” и “геополитического успеха” нет.

ДИНАМИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ РОССИЙСКИХ ЦИКЛОВ

Определение траекторий движения российского общества в рамках двухмерной модели “свобода-успех” со времен Екатерины II до наших дней позволило включить в рассмотрение нереализованные политические про-

екты (например, конституционные предложения декабристов) и подтвердило крайнюю “размашистость” динамики – от триумфов к провалам и смутам; от либеральных надежд, проектов, реформ к антигосударственному и государственному террору, репрессиям и тоталитаризму. Но при всех этих “раскачиваниях” общая картина оказывается не хаотичной, а вполне стереотипной, повторяющейся. Если простой график временной динамики по показателю “свобода-несвобода”, построенный В.Пантиным и В.Лапкиным (см. *рис. 3*), наглядно показывает циклы реформ-контрреформ, то дополнение его измерением “успех-неуспех” проясняет природу как коротких, так и долгих циклов.

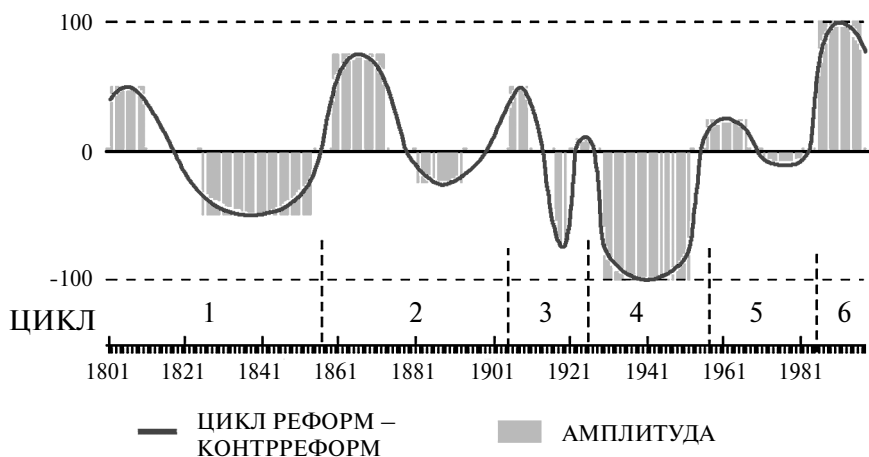

Рис. 3. Краткие циклы реформ-контрреформ по В.Пантину и В.Лапкину

Совмещение двух измерений (см. *рис. 4*) позволяет выявить следующие инвариантные “такты” динамики изменений российского общества:

Такт 1. Из относительно стабильного состояния с высоким или средним “успехом” (геополитическим престижем) при низких значениях “свободы” идет движение к “неуспеху”, что обычно связано со стагнацией, разложением элит, ростом коррупции, снижением отзывчивости власти к внешним и внутренним вызовам*.

Такт 2. Внешнеполитический провал дискредитирует прежнюю правящую группу, усиливает западнические и/или либеральные настроения. Выдвигаются проекты либеральных реформ, которые иногда принимаются, а иногда отвергаются (в зависимости от расклада сил в правящей элите).

Такт 3. Либеральные реформы (“попробуем как в Европе”) начинаются в ситуации вызова, но обычно ведут не к выправлению, а к ухудшению ситуации – росту социальной дифференциации и напряженности, недовольству государственного класса, попыткам сепаратизма. Вероятно, главной причиной такого поворота событий является ослабление авторитарного контроля, игравшего не только сугубо репрессивную, но также функциональную и ор-

* Возможно, здесь сказывается также рост демографического давления (фаза сжатия по С.Нефедову [Нефедов 2005]).

ганизирующую роль и накладывавшего определенные ограничения на социальную эксплуатацию, которая при “либерализации” тут же расширяется.

Такт 4. Общее разочарование в реформах и дискредитация либерально-западнического крыла создают условия для возвращения к власти прежних державнических групп и отката к контрреформам (“восстановим порядок”, “закрутим гайки”).

Такт 5. В данном пункте механизм усложняется бифуркацией. В зависимости от способности контрреформы увлечь государственный класс и широкие слои населения развитие идет по одному из трех сценариев: (а) новый цикл мобилизации, ведущий к росту геополитического могущества, внешнему триумфу, повышению внутренней легитимности и установлению относительной социальной стабильности; (б) “замораживание ситуации” и (в) государственный распад.

Такт 6. При реализации сценариев (а) и (б) неизменно следует переход к такту 1 (стагнация, разложение и провалы), в случаях же воплощения сценария (в), чреватого насилием, жертвами и разрушением институтов, осуществляется переход либо к такту 3 (либеральные реформы), либо к такту 5 (авторитарные контрреформы).

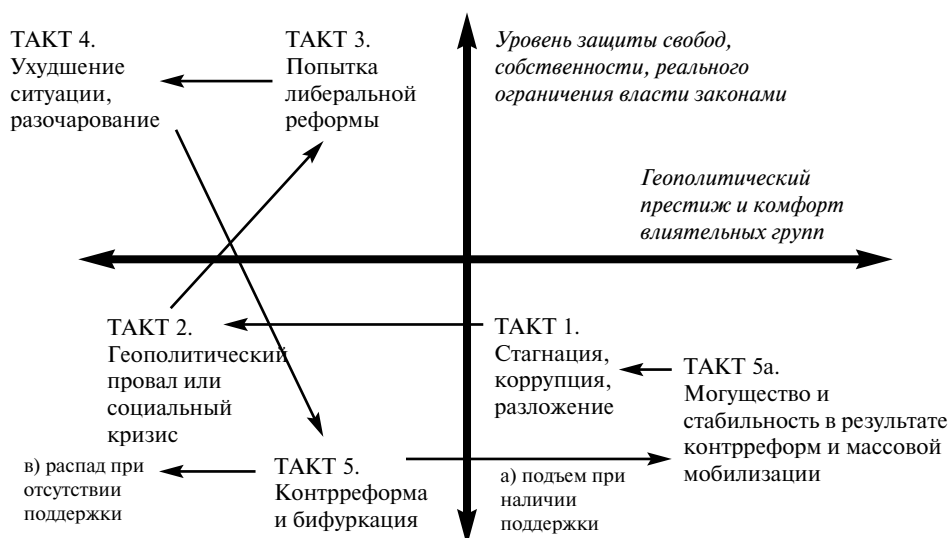

Рис. 4. Модель механизма, порождающего циклы политической истории России

**ТРОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА МЕХАНИЗМА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ:
ПСИХИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ, КУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЦЫ
И СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ**

Механизм, порождающий российские социально-политические циклы, отнюдь не является отдельной от людей объективной структурой – напротив, он реализуется через сознание и деятельность людей. Проявляющаяся в этих циклах стереотипность понимания ситуаций и действий указывает на устойчивые, воспроизводимые в поколениях свойства сознания и поведения.

Для концептуализации этих свойств я использовал синтез понятий “*габитус*” по П.Бурдьё (интериоризированный ансамбль социальных структур

и культурных символов [Бурдые 2001]) и “установка” по Дм.Узнадзе (устойчивая часть психики, задающая характер понимания ситуации, отношения к ней и соответствующего поведения [Узнадзе 1966]). Продукт интериоризации структур и символов как раз и является *установкой*, а *габитус*, таким образом, раскрывается как *комплекс установок*.

Хорошо известны два главных *ценностно-символических ядра* российской политической культуры, вокруг которых кристаллизуются веками воспроизводящиеся идеологии (вольнодумие и державность, западничество и славянофильство, демократия и патриотизм). Эти ядра, присутствующие практически в каждом русском человеке, можно представить в виде следующих “склеек” смыслов:

ПОРЯДОК – ВЕЛИКАЯ РОССИЯ – СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО –
“СИЛЬНАЯ РУКА” – СТРАЖ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ –
ПРОГРЕСС ЧЕРЕЗ ПРИНУЖДЕНИЕ – РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ –
ПРАВОСЛАВИЕ – ДУХОВНОСТЬ – СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ –
ЖИЗНЕННЫЕ ТЯГОТЫ – МНОГОТЕРПЕНИЕ

СВОБОДА – БОРЬБА С ВЛАСТЬЮ – ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА –
ПРОГРЕСС ЧЕРЕЗ ОСВОБОЖДЕНИЕ – ВЕРОТЕРПИМОСТЬ
ИЛИ АТЕИЗМ – ИНДИВИДУАЛИЗМ – ПОЛНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ
ОТ ГОСУДАРСТВА – ЛИЧНАЯ ВЫГОДА –
БЕЗДУХОВНОЕ БОГАТСТВО – РВАЧЕСТВО.

Выявленная выше “размашистость” динамики российского общества во многом определяется *неустойчивой идентичностью* элит и населения, их самоотождествлением то с одним, то с другим ценностно-символическим ядром. “Негативная идентичность” (самоопределение через отрицание чуждого), о которой пишет в своей пронизательной, но мизантропической и чересчур прозападной книге Л.Гудков [Гудков 2004], действительно имеет широкое распространение в современной России, но лишь как исторически временное состояние той самой неустойчивой идентичности в период социальных разочарований, постимперского унижения и уныния.

В этом пункте представляется вполне адекватной концепция “инверсии” А.Ахиезера [Ахиезер 1997]. Вне всякого сомнения, разочарование в идеологии “порядка” усиливает тягу к “свободе”, а фрустрация от провала либеральных реформ возвращает к предпочтению “порядка”. Однако путь “медиации”, предлагаемый А.Ахиезером, малоэффективен вследствие чрезвычайной силы и устойчивости указанных ценностно-символических ядер – своего рода центров смысловой и политико-культурной “гравитации”.

Более того, механизм, порождающий российские циклы, отнюдь не сводится ни к культурным ценностям и символам, ни к психическим установкам и габитусу. Третий важнейший его элемент – *социальные структуры* (отношения и институты). С одной стороны, они складываются при взаимодействии людей, уже имеющих определенные установки, и под влиянием разделяемых людьми культурных ценностей и символов. Но, с другой стороны, сами эти культурные ценности и символы, установки сознания и поведения поддерживаются и подкрепляются социальными структурами, в

которых люди занимают те или иные позиции (ср. с известной квазимарксистской “теорией структуризации” Э.Гидденса [Giddens 1984]).

Отсюда следует вывод кардинальной значимости. Для преодоления болезненных российских циклов необходимо существенно модифицировать внутренний механизм, порождающий эти циклы, и поскольку данный механизм имеет тройственную природу, эффективно воздействовать на него можно только комплексно (*на психические установки, на культурные символы и ценности, на социальные структуры*).

РОССИЯ – ВЕЧНЫЙ ПОДРОСТОК ПЕРЕД ЛИЦОМ ЗАПАДА

Геокультурное влияние Европы (и Запада в целом) на Россию переоценить невозможно. Оно прослеживается не только в западничестве и “выборе свободы и демократии”: внимательный анализ славянофильских, самобытных, евразийских, патриотических, националистических и т.п. взглядов свидетельствует о не меньшей референтности европейской и западной традиции в антизападнических воззрениях. Это выражается прежде всего в неосознанном принятии Европы (а со временем – и США) в качестве точки отсчета, главного оппонента, единственного культурного конкурента, того, от чего Россия принципиально отличается (разумеется, в лучшую сторону).

В обширной отечественной аналитике и публицистике, вероятно, можно найти детально проработанные и прочувствованные сравнения России как культуры и цивилизации с Турцией, арабским миром, Индией, Китаем, Бразилией, Мексикой, но даже если таковые и есть (а мне не приходилось с ними сталкиваться), то они носят явно экзотический, чтобы не сказать – маргинальный, характер. Тема “Россия и Европа” (показательное название славянофильской книги-манифеста Н.Данилевского [Данилевский 1991]) остается центральной и чуть ли не единственной в вопросах культурной самоидентификации нашей страны. Эта черта проявляется повсеместно – от традиционного европоцентризма школьных и вузовских учебников практически по всем дисциплинам до привычки сибиряков измерять свои таежные края в “Бельгиях” и “Голландиях”.

Итак, базовой социальной структурой является *устойчивое отношение геокультурного доминирования Европы над Россией*. Такая ситуация отнюдь не уникальна, но в российском случае она осложняется контрастом с геополитической мощью и громадной территорией страны, безусловно, имеющей для нас огромное символическое значение. Испанцы, итальянцы, немцы, англичане тоже находятся в зоне “чужого” (французского) геокультурного доминирования, но конфликт здесь уже практически улажен общеевропейской солидарностью. Венгры, чехи, поляки и прибалтийские народы готовы почти на все, лишь бы их считали полноценными европейцами, и, существенно уступая России по геополитической мощи и размерам территории, обычно смиряются со своим подчиненным положением в геокультурном аспекте (как и во многих других).

Специфика европейского геокультурного доминирования для России состоит, таким образом, в крайней неуверенности и неустойчивости самоидентификации россиян в отношении европейства. Либо мы ощущаем себя почти европейцами и стремимся дотянуться до Европы (западнический

выбор свободы и демократии), либо чувствуем с досадой, что Европа нас в свою семью никогда не примет. Но тогда нам этого и не нужно (!), ибо Россия — самостоятельная цивилизация (культурно-исторический тип, Евразия и проч.) со своим собственным историческим путем (антизападнический выбор порядка и “сильной руки”).

Подобные шараханья сильно напоминают поведение подростка в период личностной ломки при переходе от детства к юношеству. Отрицание всех авторитетов, уверенность, что он является самым (а то и единственным) умным человеком на Земле, сменяется подавленностью, неспособностью принимать ответственные решения, слепым послушанием по отношению к взрослым. Поскольку Россия уже более 300 лет никак не может выйти из этого неравновесного состояния, соответствующий синдром правомерно назвать *хронической геокультурной пубертатностью*.

“Не изобретать заново велосипед, следовать за Европой” либо “нечего нас учить, у нас собственная тысячелетняя история и собственный путь” — вот крайние установки, вытекающие из данного “синдрома” и лежащие в основе соответствующих стратегий реформ и контрреформ, порождающих циклическую динамику.

ВЕЛИКАЯ МИССИЯ ИЛИ ТОСКЛИВАЯ ИЗОЛЯЦИЯ?

Самостоятельным, хотя и тесно связанным с геокультурным синдромом, феноменом является крайне противоречивая геополитическая самоидентификация России — исторически сложившиеся типы восприятия российскими элитами и населением роли своей державы в мире.

Представленным выше смысловым “склейкам” **ВЕЛИЧИЯ-ПОРЯДКА** и **ДЕМОКРАТИИ-СВОБОДЫ** четко соответствуют многократно описанные стереотипы исторического сознания:

- “Мы побеждали благодаря сильному государству, духовности, готовности беззаветно служить Родине, а проигрывали, когда поддавались иноземному влиянию. Россия никого никогда не завоевывала, а только освобождала, присоединялись к ней добровольно”.
- “Наше величие не на полях сражений, а в культуре, науке, искусстве, технологии, обретенных благодаря Европе, проигрывали же мы из-за деспотического азиатского государства”.

Геополитическая самоидентификация в первом ее варианте имеет религиозную, идеологическую и нравственно-метафизическую подоплеку: “Россия — вождь славянства (православия, коммунизма, антизападного фронта обиженных и оскорбленных). Россия — светлый островок среди царства тьмы, предмет вожелений сил мирового зла”. Обратный полюс — не менее распространенное самоуничужение: “Россия — тюрьма народов, жандарм Европы, коммунистический оккупант. Нас никто не любит, но мы это заслужили. Роль России — преподавать трагический урок другим странам и народам, показать, как не надо делать”.

Отсутствие нравственного и метафизического начала во второй позиции препятствует солидаризации и мобилизации вокруг нее, укрепляя нигилизм и разобщенность. Поэтому к “величию России” как к высшему сакральному символу сегодня апеллируют практически все общественно-политичес-

кие движения. Вопрос только в том, как это “величие” достигается — западными или антизападными средствами.

Любопытно, что обоим рассмотренным позициям присуща общая черта — признание фатального одиночества российской державы на мировой арене и отсутствия у нее надежных союзников. (“У России только два союзника: русская армия и русский флот”.)

Представим себе человека, который то безмерно возвеличивает себя, свое могущество, свою роль и миссию, то беспредельно самоуничижается, терзаясь своей беспомощностью и беспросветным одиночеством. Так ведут себя невротики. Соответственно, в политической культуре России обнаруживается синдром *геополитического невроза*.

Устойчивость данного синдрома заставляет подозревать наличие противоречащих друг другу, рассогласованных геополитических структур, в которые входит Россия. Геокультурное доминирование Европы, о котором шла речь выше, обуславливает и основного геополитического контрагента России — альянс, или “концерт”, ведущих западных держав. Достижение геополитического престижа в глазах именно этой референтной группы было со времен Петра I главным осознанным или неосознанным ориентиром для правящих российских элит* (навязчивое стремление постперестроечных кремлевских лидеров попасть в “восьмерку” — из той же серии).

Какую же роль обычно играла Россия (СССР) в отношении западного альянса? Несколько упрощая, можно утверждать, что таких ролей было две — роль *челленджера*, безуспешно противопоставляющего себя мировому лидеру (Великобритании в XIX в. и США в XX в.), и роль *союзника, инструментально используемого* против другого челленджера**. Поскольку Россия всегда нуждалась в финансах и располагала многочисленной, отважной и неприхотливой армией, вторая роль доставалась ей особенно часто. Так, Габсбурги на протяжении XVII — XIX вв. использовали Россию как таран против Османской империи; немецкие княжества союзничали с ней против Швеции и Польши, Англия и Франция — против Фридриха Великого, Англия и Австро-Венгрия — против революционной Франции и Наполеона, Антанта — против кайзеровской Германии, США, Англия и Франция — против Гитлера.

Оказываясь в положении челленджера, Россия неизменно обнаруживала себя в одиночестве на европейской арене и с течением времени драматически сдавала свои позиции (крымская война после русского триумфа 1812 — 1814 гг., распад СССР после советского триумфа 1945 г.). Будучи инструментально используемым союзником, Россия не достигала больших стратегических целей (контроля над проливами, “коммунизации” всей Европы), зато “отыгрывалась” на прилегающих странах “Лимитрофа” (Кавказ, Польша, Прибалтика, Финляндия, Центральная Европа), тем самым порождая зоны устойчивой русофобии.

Объективно вторичная роль, неизбежное одиночество на геополитической арене Европы и мира, недружелюбие ближайших соседей и бывших са-

* Ср. мотив “похищения Европы” у В.Цымбурского [Цымбурский 1995].

** О роли челленджеров (держав-претендентов) в долгих циклах мировой политики см. Мольски 2003, 2005; Раслер и Томпсон 2003.

теллитов находятся в остром противоречии с представлениями России-СССР о собственной великой миссии (объединить славянство, дать миру православие или коммунизм, реализовать евразийскую идею). Это глубинное социально-структурное противоречие и лежит в основе того болезненного комплекса, который я полушутливо назвал геополитическим неврозом.

Отсюда — известная “игра в поддавки” при победе западной партии, расставание с провинциями и сателлитами и последующий неизбежный откат к великодержавным настроениям, имперской политике, отчуждению от Запада и внутренним репрессиям, вносящие весьма существенный вклад в циклическую динамику.

ГОСУДАРСТВО – ЕДИНСТВЕННАЯ НАДЕЖДА ИЛИ ГЛАВНАЯ ПОМЕХА ДЛЯ ЖИЗНИ?

Социальная основа следующего синдрома находится уже в рамках самой России и, конечно же, связана с взаимоотношениями народа и государства. Соответствующий державнический узел раскрывается как крайне противоречивое, двойственное восприятие подданными и гражданами России своего государства. В зависимости от того, находится ли человек вне него (купечество, мелкий бизнес), под ним (казенный люд — они же “бюджетники”, пенсионеры), или вошел во власть (начальство, чиновничество, крупный бизнес), государство понимается им как:

- главный рэкетир и насильник, от которого лучше держаться подальше;
- страж справедливости и порядка, строгий и единственный Хозяин с “твердой рукой”, на которого вся надежда;
- сверхценность и сверхоружие, позволяющее “допущенным к столу” “решать вопросы” и держать в узде “недопущенных” (Ф.Искандер).

Две главные установки — “бежать” и “не пушать” — уживаются в одной политической культуре и даже в одном индивидуальном сознании*. Порусски такой синдром называется “*державно-беглое расщепление психики*”, а при использовании латинских и греческих корней — “*этактистско-эскапистская шизофрения*”.

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ БОЛЕЗНЕННУЮ ЦИКЛИЧНОСТЬ

Допустим теперь, что в некотором приближении мы верно распознали болезненные узлы (“синдромы”) механизма, порождающего российские циклы. “Разрубить” эти узлы — безнадежная затея: исторический опыт прошлых “рубок” (петровские реформы, большевизм, сталинский “великий перелом”, перестройка) показывает, что элиты и политические режимы сменяются, а узлы-синдромы остаются и вновь порождают циклы.

Чтобы “развязать узлы”, т.е. вылечить болезнь политических циклов, недостаточно раскрыть, осмеять, дикредитировать (“деконструировать”) куль-

* Приведу показательный пример из личного преподавательского опыта. В начале 1990-х годов я руководил в Новосибирском гос. университете российской студенческой командой в международной игре по моделированию переговоров ICONS. Из бесед со студентами (все они владельцы английского) я знал, что почти каждый мечтает уехать на Запад — на учебу или навсегда. Однако в игре за российское государство те же студенты предлагали *только репрессивные меры* для прекращения утечки мозгов. В память врезалось восклицание: “Николай Сергеевич! Как Вы не понимаете? Нельзя никого отпускать! Если не держать таланты, пусть насильно, все же уедут!!!”

турные и психические стереотипы, о которых шла речь выше. Напомню, что согласно используемой здесь парадигме Выготского-Узнадзе-Коллинза-Бурдые психика, сознание и поведение людей структурированы интериоризированными социальными структурами [Коллинз 2002, Бурдые 2001]. Это означает, что *только изменение самих базовых социальных структур, определяющих место и роль России в геокультуре и геополитике, а также отношения между государством и гражданами, способно существенно изменить установки.* Кроме того, российская самоидентификация неразрывно связана с сакральными символами (среди которых и величие, и правда-справедливость, и порядок, и высшая миссия России), дискредитация которых может привести либо к циничному нигилизму, либо к протестному откату к великодержавничеству.

С учетом данных ограничений крайне сложной, тонкой и нетривиальной задачей оказывается даже теоретическое конструирование способа преодоления российских циклов, не говоря уже о его практическом применении (впрочем, никто и не предполагал, что такая задача может быть простой).

Рассмотрим вначале возможности модификации базовых геокультурных и геополитических отношений между Россией и Западом. Можно смело утверждать, что в рамках бинарной структуры Россия-Запад, а тем более — в условиях борьбы за геокультурное, геоэкономическое и геополитическое влияние на постсоветском пространстве (“потеря” Прибалтики, Грузии, Украины, Молдовы резко усилила массовые антизападные настроения в стране) никакое излечение от вышеуказанных синдромов невозможно. Европейство России, тягу России к Европе также не отменить (даже сталинский “железный занавес” не помог). Пока подросток выясняет со взрослым, “кто главнее”, пока невротик наедине со всем миром мечется от самовозвеличивания к самоуничтожению, шансы на взросление и выздоровление почти нулевые. Ситуация кардинально меняется, если человека удастся вовлечь в солидарное партнерское сообщество, занимающееся общим делом, в котором таланты и усилия этого человека дают видимые всем плоды и отдачу. Кажущаяся далекой аналогия на самом деле выражает глубокие инварианты социальной действительности, проявляющиеся на всех уровнях — от микро до макро.

Итак, России нужно найти такую *общую* с Европой (Западом?) деятельность, которая позволила бы ей избавиться от метаний, реализовать свой потенциал, завоевать тем самым престиж, не поступаясь исконными святынями. Эта общая деятельность должна отвечать долговременным интересам России, быть по каким-то параметрам выгодной и значимой для Европы, а также соответствовать глобальным трендам (в позитивной их части).

ПОЗИТИВНЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАТОРСКОЙ МИССИИ

К долговременным трендам, которые, несмотря на известные издержки, можно смело трактовать в качестве позитивных, относятся:

- индустриализация, урбанизация, развитие транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуры, информатизация, технологический прогресс, расширение рынков товаров и услуг;
- повышение общего уровня образования, развитие науки и культурного производства;

-
- совершенствование систем социальной защиты, развитие институтов, защищающих интересы и права граждан,
 - пацификация (умиротворение конфликтов, построение надежных систем международной безопасности).

В чем состоит стратегический интерес России? Оставим глобальные амбиции: реально воздействовать на Африку, Южную Америку, Океанию Россия в ее нынешнем положении не может, и это ей ни к чему. Речь должна идти о Евразии, прежде всего – о территории самой России и прилегающих регионов (“Лимитрофа”). Перечисленные тренды могут осуществляться в Евразии на европейский, американский, российский, китайский, индийский, японский, арабский, иранский, турецкий манер. Зависит же это напрямую от меры геополитического, геоэкономического и геокультурного влияния соответствующих центров в разных регионах Евразии, а также от силы и эффективности альянсов между этими центрами.

Наиболее патриотично смотрелась бы борьба за “русский путь”, однако его утверждению препятствует слишком много “но”: бесславный распад СССР и дискредитация коммунизма, страх перед новорусским имперским реваншизмом, весьма скромный мессианский потенциал современного православия, сырьевой перекося в российском экспорте (периферизация экономики) и хорошо известная в мире коррумпированность российского государства. Главное же – никакой внятной идеи, кроме нового витка принудительной мобилизации и борьбы против мировой гегемонии Запада вообще и США в особенности, в пресловутом “русском пути” не содержится. При таких условиях не стоит даже вступать в конкуренцию с “китайским”, “западным”, “мусульманским” путями обустройства “Лимитрофа”, тем более – всей Евразии.

25

Ситуация радикально меняется при создании разумных альянсов. Наиболее перспективным для России практически по всем направлениям был бы союз с Европой, объективно конкурирующей с США во всем мире, но имеющей наилучшие шансы именно в Северной и Центральной Азии [Розов 1997]. При таком подходе ключевым плацдармом для реализации европейско-российской цивилизаторской миссии становится российская территория. Очевидно, что для последующей экспансии вовне следует прежде всего укрепить сам этот плацдарм (плотность дорог и коммуникаций, производственные цепочки, сеть научно-технологических центров, налаженные рыночные и финансовые институты). Урал, Сибирь и Дальний Восток должны стать первым объектом европейско-российской цивилизаторской активности.

При избрании данного сценария значимость Сибири действительно возрастает [ср. Цымбурский 2000], но его реализация вовсе не требует переноса столицы в Новосибирск. Подобная идея является пустой и никчемной (утверждаю это ответственно как коренной новосибирец, получивший образование в МГУ). На самом деле нужно совсем другое, а именно: осознание обществом, бизнесом и государством необходимости нового вектора сосредоточения усилий, достижение между ними согласия по этому вопросу и последующее воплощение данного курса в конкретных программах и практиках. Упования на магию переноса столицы (вновь муссируемые на политологических тусовках и в публикациях) есть не более чем рецидив центрально-распределительного имперского сознания.

К НОВОМУ ОБЩЕСТВЕННОМУ ДОГОВОРУ

Как минимум одна из смысловых “склеек” российского политического сознания должна быть не просто отброшена, но и подвергнута систематической деконструкции. *Порядок и справедливость достигаются не “сильной рукой” (авторитарной властью и принуждением), а заключением и выполнением серии горизонтальных договоров между властью, бизнесом и гражданскими объединениями.* Именно в соответствии с этим принципом начинал работу Гражданский форум, “притормозивший” в результате очередного циклического поворота к авторитаризму (четко обозначившегося с ареста М.Ходорковского осенью 2003 г. и последующего захвата “ЮКОСа” [Аузан 2005]).

Примерная платформа принципиального договора между российской властью и российским обществом хорошо известна:

- представители государственного класса (власть и чиновники) обязуются нести реальную ответственность перед политической оппозицией и институтами гражданского общества (общественными движениями, независимыми СМИ, избирателями), честно вести политическую борьбу, признать нормальность ротации политических элит, не использовать власть для давления на бизнес и, тем более, для его захвата;
- бизнес-сообщество соглашается честно платить налоги, не уводить капиталы за рубеж, инвестировать в отечественную экономику, лоббировать свои интересы в органах власти посредством легальных процедур, участвовать в социальных программах не по указке власти, а в равноправном взаимодействии с ней и с общественными организациями;
- граждане обещают не давать взятки, ставить и решать проблемы легально через политические и гражданские структуры, быть готовыми к самоорганизации и мирной политической активности.

26

Сегодня наиболее утопическим выглядит первый пункт: власть сильна, хорошо “подпитана” нефтедолларами и поддержкой населения, вошедшие во власть “силовики” почувствовали вкус к большим деньгам, с удовольствием используют государственную машину в корыстных целях и для расправы с любыми потенциальными противниками (об этом ярко пишет М.Деягин [Деягин 2005]). На данном этапе для государственного класса нет никакого резона вступать с кем бы то ни было в соглашения, ограничивающие его всевластие и безнаказанность.

Все это так, но условия меняются, и пагубность установившегося режима непременно проявится в виде накладывающихся друг на друга кризисов. Нарастивание обществом в лице гражданских институтов и оппозиции *переговорной силы* – вот что становится фактором первостепенной значимости [Аузан 2005].

ОТ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ПРОБУКСОВКИ К МЕГАТЕНДЕНЦИИ “ЛИФТ”

Обратимся к универсальной модели исторической динамики [подробнее см. Розов 2000, 2002: 174–198] и попробуем посмотреть, чем обернется (в избранном концептуальном каркасе) реализация предлагаемого плана. Развивающаяся система горизонтальных договоров естественным образом приведет к учету интересов участников, накоплению позитивного опыта сотрудничества и *социальному резонансу*. Европейско-российская цивили-

зиторская миссия в Северной и Центральной Азии и на Кавказе даст стимул развитию целого комплекса динамических стратегий: коммерческих, культурных, социоинженерных, технологических, миграционных.

Но тут возникают три кардинальных вопроса:

1. Будет ли отдача (окупятся ли затраты — причем не только в коммерческом смысле)?

2. Насколько велико ресурсное пространство для развертывания динамических стратегий в случае хорошей отдачи?

3. Какие ожидаются противодействия и тормозящие, угнетающие факторы?

Вообще говоря, эти вопросы требуют самостоятельного исследования. Поэтому приведу здесь только наиболее очевидные доводы.

Цивилизаторская миссия — это всегда большие затраты с отсроченной отдачей. На первом этапе отдача состоит в индустриализации азиатской части России и новой волне заселения соответствующих территорий. На втором — в расширении в примыкающих к азиатской части России странах зон развитой инфраструктуры, образованного населения, стабильности и благополучия, что, в свою очередь, означает рост новых потребительских рынков для товаров, услуг и культурной продукции России и Европы, снижение нежелательной иммиграции.

Ресурсное пространство измеряется территорией, населением и энергетическим потенциалом Северной и Центральной Азии — его точно хватит на реализацию динамических стратегий в течение нескольких поколений.

Европейско-российскому цивилизаторскому альянсу в большей или меньшей мере будут, по-видимому, противостоять США (с Японией), претендующие на глобальное доминирование, Китай, тихо, но эффективно осуществляющий уже собственную цивилизаторскую миссию в Азии, а также арабо-мусульманский мир, ревностно оберегающий свои земли от экспансии “неверных”. Замечу, однако, что напряженность отношений Америки с мусульманскими странами (актуальная) и матерееющим Китаем (потенциальная) гораздо интенсивнее, чем возможное противостояние китайцев и мусульман предлагаемому европейско-российскому цивилизаторскому альянсу. Внутренние противоречия в рядах вероятных конкурентов — лучший залог востребованности европейской переговорной культуры на разломах “Лимитрофа” и неплохой шанс для нового, теперь уже не циклически буксующего, а неуклонного подъема и расцвета России.

В богатой, славной и трагической русской истории было почти все, кроме мегатенденции “лифт” — устойчивого автокаталитического положительного контура тенденций роста и структурного развития (как отмечалось выше — принудительно-мобилизационные периоды, приводившие к триумфам и величию, не воспроизводились, сменяясь периодами стагнации и разложения). Но для ее утверждения в России нет абсолютных, принципиальных препятствий.

Возможны ли иные пути преодоления российских циклов? Разумеется. Их только надо найти и обосновать.

Конечно, описанный выше путь пока представляет собой лишь весьма расплывчатый вектор, еще не вызревшую идею, нуждающуюся в коллективном обсуждении и проработке. Разгромить ее с ходу, вероятно, не составит

большого труда. Но выбираться из болезненных циклов российской истории все равно придется, если не нынешнему, то последующим поколениям. Выявленный стратегический вектор для России — это не рецепт излечения, а шаг в самоопределении и указание на открывающееся смысловое пространство политических и философских дискуссий о будущем нашей страны.

Аузан А.А. 2005. *Где мы живем?* М.

Ахиезер А.С. 1997. *Россия: критика исторического опыта. Т.1. От прошлого к будущему.* Новосибирск.

Бурдые П. 2001. *Практический смысл.* М.

Вишневский Р.В. 1997. Модернизационные циклы в истории России. — *Теория предвидения и будущее России. Материалы V Кондратьевских чтений.* М.

Гудков Л. 2004. *Негативная идентичность.* М.

Данилевский Н.Я. 1991. *Россия и Европа.* М.

Делягин М.Г. 2005. *Россия после Путина.* М.

Коллинз Р. 2002. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения.* Новосибирск.

Лапкин В.В., Пантин В.И. 2004. *Геоэкономическая политика и глобальная политическая история.* М.

Модельски Дж. 2003. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия. — *Война и геополитика. Альманах “Время мира”.* Вып. 3. Новосибирск.

Модельски Дж. 2005. Эволюция мировой политики. — *Полис,* № 3-4.

Нефедов С.А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России.* Екатеринбург.

Пантин В.И. 1997. *Циклы и волны модернизации как феномен социального развития.* М.

28

Пантин В.И., Лапкин В.В. 1998. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы. — *Полис,* № 2

Разработка и апробация метода теоретической истории. 2001. — *Теоретическая история и макросоциология.* Вып. 1. Новосибирск.

Раслер К., Томпсон В. 2003. Великие державы и глобальная борьба: итоговая модель. — *Война и геополитика. Альманах “Время мира”.* Вып. 3. Новосибирск.

Розов Н.С. 1997. Национальная идея как императив разума: Эскиз геоэкономической и социокультурной стратегии России для XXI века. — *Вопросы философии,* № 10.

Розов Н.С. 2000. К интегральной модели исторической динамики. — *Время мира.* Вып. 1. Новосибирск.

Розов Н.С. 2002. *Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены.* М.

Узнадзе Д.Н. 1966. *Психологические исследования.* М.

Цымбурский В.Л. 1995. Циклы похищения Европы (Большое примечание к “Острову Россия”). — *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания.* М.

Цымбурский В.Л. 2000. *Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика.* М.

Эмбер К., Эмбер М., Рассет Б. 2003. Мир между обществами с высоким политическим участием. — *Война и геополитика. Альманах “Время мира”.* Вып.3. Новосибирск.

Янов А.Л. 1997. *Тень Грозного царя. Загадки русской истории.* М.

Giddens A. 1984. Elements of the Theory of Structuration. — *The Constitution of Society.* Cambridge.

Hellie R. 2005. The Structure of Russian Imperial History. — *History and Theory. Studies in the Philosophy of History,* vol. 44, № 4.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант №06-03-00346а)